

УДК 811.161.37

СИСТЕМА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ БЫТИЯ И ОБЛАДАНИЯ

**О. В. Сеньюкова
Ю. А. Климова**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
oksana-senyukova@yandex.ru
julia_klimova07@mail.ru*

Данная статья является фрагментом исследования, посвящённого функционально-семантической характеристике русских глаголов бытия и обладания. Языковые средства, выражающие категории бытия и обладания максимально представлены русским глаголом. Глаголы бытия и обладания представляют собой широкий класс лексем, именующих различные фазы, а также процессы и состояния. Функционально-семантический подход предполагает использование различных контекстов для анализа особенностей функционирования данных глаголов.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, категория бытия, категория обладания, локативность, посессивность, бытийность.

Введение

Глаголы бытия и обладания в течение длительного периода времени являются предметом пристального внимания лингвистов в силу целого ряда особенностей. Данные глаголы являются достаточно частотными, а также широко употребляются в различных сферах общения, обладают богатым набором лексических значений, кроме этого, они многозначны по своим морфологическим характеристикам (В. Г. Адмони, Б. А. Алишева, Кр. Бидем, А. Видаль, С. П. Гамзатова, Н. В. Деева, Т. Е. Зубова, Л. Г. Кораблева, Л. А. Корнеева, А. А. Корсакова, А. М. Кузнецова, З. М. Невская, О. Н. Селиверстова, Ж. А. Сергеева, Л. К. Серова, И. А. Стернин, О. А. Правосуд, В. Д. Федорова, Н. Ю. Шведова, Y. Drinkmann, J. Falk, J. Lyons, A. Meillet, E. Seifert и другие ученые-лингвисты).

Анализ современных лингвистических исследований показал, что в настоящее время существует несколько точек зрения на определение понятия «глаголы бытия» и «глаголы обладания». Так, Л. И. Лухт, Ю. С. Степанов, А. В. Супрун и другие исследователи рассматривают вопросы о границах их семантической структуры, системе значений, валентности и сочетаемости; А. А. Авдеев, А. Л. Ленца и др. определяют их функции в структуре грамматических аналитических конструкций; Н. В. Друзина, В. В. Колесов, С. П. Лопушанская и др. исследуют особенности функционирования данных глаголов в различных стилях речи с позиций теории речевой деятельности и лингвокогнитологии.

Некоторые ученые глаголы бытия и обладания относят к широкозначным ядерным словам (Ю. С. Степанов). Другие называют фундаментальными глаголами состояния (Л. М. Скрелина и др.), полистатусными (В. В. Колесов), полисемантическими глаголами, которые имеют достаточно большие возможности семантического варьирования (О. А. Правосуд) и многообразные, универсальные и вспомогательные грамматические функции (В. И. Абаев, А. Л. Ленца), в том числе, способность функционировать в составе стандартных синтагматических единиц (В. И. Кудинова) и т. д.

Ученые-лингвисты (Н. Д. Аругюнова, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев и др.) отмечают, что реализация семантического значения слова связана с особенностями его функционирования в предложениях/контекстах определенного типа. Анализ функционирования слова (в том числе глагольного) позволяет увидеть изменения, происходящие в качественных характеристиках глаголов бытия и обладания, поскольку именно в речи «семантика слова вступает во взаимодействие с семантической структурой всего высказывания. Семы данного слова могут присутствовать в семантике других компонентов высказывания, а также подсказываться ситуацией» [1, с. 80 – 81].

Названная система понимается А. В. Бондарко как система функционально-семантических полей (ФСП). При этом выделяется два вида ФСП: 1) поля с функциональ-

но-семантическим инвариантом, выраженные языковыми средствами только одного уровня. Это элементарные грамматические и лексические поля; 2) функционально-семантические поля, обладающие морфологическим ядром, которые идентичны функционально-семантическим категориям, таким, как темпоральность, модальность, залоговость, персональность, аспектуальность и др.

Различия между этими полями выражаются в следующем: грамматическое поле относится к одной стороне языка, к грамматической, к одному языковому уровню, а ФСП второго вида охватывает более широкую языковую сферу, куда входят как грамматические категории, так и связанные с ними функционально-семантической общностью элементы, относящиеся к разным уровням.

Морфологические категории рассматриваются в комплексах разноуровневых языковых явлений, на основе взаимодействия которых формируются отдельные участки (поля) семантической системы языка. Общее назначение единиц разных уровней языка (лексика, словообразования, морфологии, синтаксиса) для выражения определенных значений является критерием выделения таких ФСП.

В соответствии с этой теорией поля морфологические категории представлены в комплексах разнородных по форме, но одинаковых или сходных по функции языковых единиц, а также во взаимосвязи и взаимодействии с различными элементами контекста, участвующими в передаче того или иного смыслового отношения (А. В. Бондарко).

Функционально-семантическое поле у глаголов бытия и обладания

Анализ литературы позволяет выделить следующие ФСП глаголов бытия и обладания: 1) ФСП бытийности; 2) ФСП локативности; 3) ФСП качественности; 4) ФСП посессивности.

Авторы «Теории функциональной грамматики» (А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, Е. А. Реферовская и др.) рассматривают бытийность как семантическую категорию, объединяющую различные варианты значений существования, бытия, наличия. Группировка разноуровневых средств того или иного языка, служащих для выражения названных вариантов, представляет собой ФСП бытийности.

Предложения, формально представляющие понятие бытия, принято выделять в особый тип: бытийные предложения или «экзистенциальные предложения». Они отражают пространственно-предметный аспект мира, в них утверждается или отрицается существование. При этом область бытия может варьироваться от пределов мира, вселенной, взятой в отвлечении от ее пространственных и временных границ, до микромира человека или даже его части, рассматриваемой в определенный момент бытия. Она может иметь как материальный, так и идеальный характер, а также восприниматься как некоторая система отношений или как совокупность объектов [2, с. 233].

С синтаксической точки зрения, к экзистенциальным предложениям, неоднократно становившимся объектом изучения исследователей различных языков, традиционно относят предложения с глаголом *быть* и *иметь* в их экзистенциальной функции.

Возможность реализации глаголом *быть* понятия о принадлежности / непринадлежности относит его в русском языке к основным глаголам, исполняющим роль предикатов существования в синтаксических конструкциях, которые образуют один из двух центров поля бытийности [3, с. 54].

Факт существования некоего лица в определенных условиях места и времени сближает ФСП бытийности и локативности и отводит им центральное место в ФСП экзистенции. Различны они по своей коммуникативной цели: во-первых, сообщаемым является субъект бытия, во-вторых, – сам локализатор [2, с. 210].

Локативные отношения определяются как «тип пространственных отношений, который устанавливается между предметом ориентации и ориентиром», где предмет ориентации – «то, чему дается локативная характеристика», а ориентир – «то, относительно чего определяется местоположение предмета ориентации» [4, с.73].

Принцип ФСП предполагает для анализа функционирования данных глаголов использование различных контекстов. Г. В. Колшанский определяет контекст как одну из основных категорий языка, если рассматривать его в коммуникативно-когнитивном ас-

пекте. Структура и смысловая интерпретация слова «практически ... включается в исследование контекстуальных условий» его функционирования [5, с. 63].

Типология контекстов экзистенции и локативности

На основе принципа ФСП можно выделить несколько типов контекстов экзистенции и локативности.

Контексты, передающие ситуацию предбытия:

а) контексты, отражающие ситуацию предбытия. Типовая семантика данной модели состоит в описании приближающегося события/явления: *Август надвигается. Вечер спускается.*

Структурная схема данного типа предложений – S (субъект) – P (предикат). В ряде случаев «предбытие» может быть показано как фаза существования того, что уже есть в реальности, но еще не воспринято со стороны субъекта и представляющееся ему как предстоящее: *Ему грозит опасность*; воспринимаемые субъекты в форме предложного падежа: *Осыпались листья в вашем саду*;

б) контексты со значением «зарождения», которое неотделимо от значения «становления», т. е. при сочетании глагола с определенным субъектом: *У меня созревает мысль*. Сравним с предложениями, передающими собственно ситуацию «становления и осуществления»: *Там поднялся ветер, закачались верхушки деревьев*.

Часто значение «зарождения» передается в предложениях посредством коррелятивных форм глагола НСВ, а в предложениях с глаголом СВ обозначается ситуация собственно возникновения субъекта, ср.: *Восходит чудное светило / В душе, проснувшейся едва...* (М. Лермонтов).

«Приближение/близость» чего-либо может описываться через формы будущего времени глаголов бытийной семантики, однако в предложениях такого типа передается, как правило, субъективное восприятие приближающегося: *Чую – будет гроза*.

Контексты, передающие ситуацию появления:

а) контексты, представляющие ситуацию появления/начала бытия. Ядром данных предложений являются глаголы семантических подгрупп со значением «собственно появления», «обнаружения и самовыявления», «становления и осуществления»: *Настал декабрь, все кончилось*. Появление может восприниматься как самовыявление субъекта: *Загорались огни, и восходили первые звезды: белые, синие, зеленые*. Под субъектом в данном случае понимается некоторый предмет, событие, «являющиеся исходными в семантической структуре предложения» и представляющие собой «денотат подлежащего» [6, с. 79];

б) контексты, сообщающие о факте появления с дополнительными локативными характеристиками. В предложениях этого типа локативные характеристики могут сочетаться с темпоральными: *Зимой в ленинградской квартире раздался звонок в дверь*. Темпоральные характеристики могут квалифицироваться как объективные (время года, суток и т.п.) – *днем, в три часа, в понедельник, летом*; субъективные (период жизни, возраст) – «*в моем детстве*».

Контексты, передающие ситуацию каузации, начала существования.

Типовая семантика предложений данной модели выражается в том, что некоторый субъект дает начало какому-либо событию, способствует появлению, возникновению чего/чего-либо: *Стало холодно, и я разжег костер; Я включила свет и некоторое время смотрела на свои руки*.

Образные семантические модели представлены следующим образом: а) человек/событие дает начало новому явлению, подобно тому, как производят на свет живое существо: *Зло порождает зло*; б) кто/что-либо дает начало чему-либо, как будто способствует появлению огня: *Должно быть, в чужом, инородном слове чудится людям какая-то таинственность*; в) человек способствует появлению чего-либо в пространстве внутреннего мира другого человека: *За то, что праздник светлый / Влила ты в грудь мою* (С. Есенин).

Контексты, отражающие ситуацию собственно бытия:

а) контексты, отражающие ситуацию собственно бытия. Типовая семантика данных предложений отражает факт наличия/существования в действительности каких-либо

предметов, событий и т.п., а также живых существ (человека, животного): *А есть птица Финист. У Антона (вечером) был брат Виктор;*

б) контексты, близкие к посессивным, построенные по модели «быть/иметься у кого-либо»: *Соседка есть у нас одна.* Подобные предложения могут быть переведены в собственно предложения со значением обладания: *Переведите гостям: у нас все есть – Мы имеем все, что нужно.*

Особое место занимают предложения с глаголом *иметь* – основным глаголом обладания, который в определенной ситуации может встраиваться в предложения бытийной семантики. Так, предложение *Ее кожа была по-детски нежной* может быть трансформировано в равнозначное ему: *Ее кожа имела детскую нежность.* Н. Д. Арутюнова отмечает, что подобная замена возможна для «предложений предметного значения, относящихся к микромиру человека, по преимуществу, предложений статического значения» [7, с. 181], т. е. можно говорить о возможности перевода бытийного предложения, включающего посессивную формулу (*у кого-либо*) в предложения со значением обладания и наоборот: *... решающим моментом при подобной операции является быстрота пальцев оператора, т. е. техника, которой офтальмолог, его родственник действительно обладал лет двадцать назад, но сейчас у него уже руки не те – У него была та быстрота пальцев, которая так необходима при проведении операций.*

По словам С. Д. Кацнельсона, оба эти глагола (*быть, иметь*) «обнаруживают полное сходство, которое касается не только лексико-семантической, но и содержательной валентности». Далее автор пишет: «оба глагола в указанном значении двухместны; они открывают позиции для субъекта владения и объекта» [8, с. 64]. Следовательно, в предложениях с глаголами *иметь, быть* отводится первое позиционное место субъекту владения, а второе объекту, которым данный субъект владеет;

в) существование субъекта, определяемое не только рамками временных границ, но характеризующее локально, в данном случае обязательно обстоятельство места, обстоятельство времени факультативно при некоторых глаголах типа *ждать, ср. с приставочным прождать (до какой-либо поры)*: *Она прождала на улице до вечера;*

г) совмещенная семантическая модель может быть представлена предложениями со значением отождествления субъекта в отношении ко времени его существования: *Тогда был январь;* или человек находится в течение какого-либо времени где-либо, исполняя принудительно определенные обязанности. Предикативным центром здесь выступают глаголы типа *дежурить, сидеть (в тюрьме)*: *Брат год пробыл в тюрьме.*

Контексты с локализатором:

а) локализатор – весь мир. Такие предложения говорят о наличии или отсутствии в мире некоторых индивидуальных объектов или их класса: *Лишь ветер шевелил мои волосы, и в мире стояла тишина.*

Локализатор, являющийся синтаксически обстоятельством места, грамматически выражается существительными типа *мир, свет, вселенная* в форме предложного падежа с пространственными предлогами (*в/во, на*): *Она пройдет, не подозревая, что есть на свете я;*

б) локализатор с пространственным значением. Предложения этого типа утверждают существование/несуществование в некотором реальном фрагменте мира: 1) наличие: *На большом столе лежали стопки журналов, и стояло блюдо яблок;* 2) местонахождение: *В том месте, где стоит наш дом, улица повторяет изгиб реки;*

в) личностный локализатор. Данный локализатор содержится в предложениях, сообщающих о внутреннем мире человека, как одном из фрагментов бытия: *Своим поступком он доказал, что у него есть сердце. У каждого человек, даже самого плохого, есть внутри душа.*

Однако в одном предложении может употребляться сразу несколько локализаторов, при этом каждый последующий сужает представление об области существования, наличия: *Давно на окраине города, на Вокзальной, проживали железнодорожники.* Сужение: город > окраина > улица > Вокзальная. Сужение в данном случае воспринимается как все большая конкретизация пространства, местонахождения субъекта.

Контексты, передающие ситуацию достижения предела бытия.

Типовая семантика предложений данной модели – субъект бытия существует/проживает кто-либо до определенного момента, квалифицирующегося как некий предел, процесс в точке достижения предела мыслится как исчерпанный: *Им надо было стоять и не двигаться, держаться друг за друга... И спокойно дожидаться, пока придут спасатели.*

В предложениях такого типа предел мыслится как еще недостижимый, но вполне осуществимый при условии реализации того, что описывается в придаточном предложении.

Контексты, передающие ситуацию исчезновения, утраты, удаления.

Типовая семантика предложений – субъект перестает существовать самопроизвольно, либо под воздействием со стороны другого субъекта: *Студенческие годы кончались, впереди замаячили экзамены, и мы, полные сил, готовились к сессии. Мы чувствовали, как проходит неповторимая пора детства.*

Посессивность и бытийность русских глаголов

В лингвистической литературе представлены две основные тенденции толкования понятия обладания. Сторонники *первого подхода* придают категории обладания статус элементарной и соотносят ее только с материальным владением каким-либо конкретным видом собственности. Согласно *другой точке зрения*, обладание представляет собой всеобъемлющую категорию, отражающую отношения сопричастности, сопринадлежности двух объектов, как материальных, так и нематериальных.

При этом подчеркивается, что семантическая структуризация категории обладания включает: 1) собственно обладание (основа – отношение отчуждаемой собственности); 2) обладание частями и органами тела; 3) обладание психическими, физическими, эмоциональными свойствами и качествами, т. е. всем тем, что характеризует человека как физическую и психическую личность; 4) обладание семейно-родственными, социальными функциональными и другими отношениями, характеризующими личную сферу человека [9, с. 36].

Исходя из этого, ученые-лингвисты делают вывод о том, что ФСП посессивности является полицентрическим, не образующим единой гомогенной системы форм, что обусловлено различными типами посессивных функций, которым соответствуют определенные типы языковых средств.

Центр предикативной посессивности в русском языке составляют конструкции, в которых эксплицитно представлены все три элемента посессивной ситуации, проекции соответствующего ФСП на высказывание: оба члена реляции – посессор и объект обладания, а также реляционный предикат со значением посессивности.

Следует заметить, что высказывается и мысль о том, что в русском языке посессивность и бытийность связаны между собой, и представляют эту связь как априорную языковую универсалию [10, с. 182]. Семантическая близость обладания к бытию заключается во взаимоотношении между двумя связанными предметами в различных ракурсах. Соответственно различают «иметь»-языки (французский, английский, испанский и др.) и «быть»-языки (русский язык).

«Иметь»-языки противопоставляют мир бытия сфере принадлежности. «Быть»-языки, в частности русский язык, строят высказывания по одному образцу: «принцип бытия, существования применяется в нем и к тому, что есть в мире, и к тому, что есть в человеке, у человека, с человеком и в непосредственном окружении человека» [2, с. 257].

Основными средствами выражения значения обладания в русском языке являются конструкции, которые включают генетив с предлогом *у*, типа «*у меня есть*», интерпретируемый как «*у-локализатор*» (термин Н. Д. Аругюновой). Конструкции типа «*я имею*» ограничены в своем употреблении и относятся к периферии. По мнению С. Д. Кацнельсона, глагол *быть* выражает в таких случаях «не просто существование или наличие объекта, а владение им». В этом значении глагол *быть* становится синонимом глагола *иметь*. Более того, ученый считает, что в содержательном плане эти синонимы обнаруживают полное сходство, которое касается как их лексической семантики, так и содержательной валентности. Оба глагола в указанном значении двухместны и одинаково

используют словопорядок для разграничения позиций субъекта владения и объекта владения.

Ситуация посессивности посредством взаимодействия с ситуацией локативности может транспонироваться в ситуацию бытийности объекта, что достаточно характерно для переводов на русский язык. Сравните: *Peter has his time-table on the wall (англ.) / У Питера на стене висело расписание.* «Бытийность» русского глагола не исключает возможность аналогичной трансформации: *I had the first, the second and the third lesson today (англ.) / Сегодня был и первый, и второй, и третий урок.*

Заключение

Таким образом, в русском языке при интерпретации посессивной ситуации именно представление субъекта-посессора играет ту роль, которая в «иметь»-языках отводится глаголу. Аргументом данного предположения может служить обращение к глаголу *иметь* для «перепоручения выражения посессивных отношений, когда семантико-синтаксические условия препятствуют указанию субъекта-посессора: *У Антона есть свое дело*, но: *Иметь свое дело. Иметь совесть.* Реализация значения собственно обладания или фактического владения требует, чтобы объект обладания был выражен именем конкретно-предметной семантики и отмечен признаками «неодушевленность» и «отторженность». Например: *У Антона есть интересная книга. У Марии был хороший голос. У студентов была экскурсия по университету.* В силу естественной многомерности речевой ситуации реализация посессивной конструкции предполагает координацию с другими содержательными компонентами, что выражается во включении, прежде всего, качественных, количественных и локативных (как пространственных, так и временных) элементов, что можно увидеть на следующих примерах: *У студентов есть **несложное задание в кабинете информатики.***

Нельзя не учитывать и влияние национально-культурного своеобразия речи, в определенной мере проявляющееся в правилах и способах различных видов организации высказывания, обусловленных как системой, так и нормой языка перевода [11, с. 173]. Это своеобразие проявляется и при интерпретации в переводе предикативных посессивных конструкций посредством фразеологических оборотов, в частности, посессивность уступает место бытийности объекта обладания, реализуя, по сути, функцию характеристики самого обладателя: *Я и думать не мог, что у Антона водятся такие деньги.* Реализации посессивной конструкции, соотносимые с объектом – «свойство, качество, психическое состояние», представляют, по сути, эмоционально-психический подтип качественной характеристики [12, с. 80] и могут рассматриваться как репрезентация категории качественности. Например: *У Виктора нет чувства юмора. У Карлоса была прекрасная память.*

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, языковые средства, выражающие категории бытия и обладания различны, но в максимальном объеме данные категории представлены русским глаголом. Глаголы бытия и обладания представляют собой широкий класс лексем, именующих различные фазы, а также процессы и состояния. В структуре ФСП глаголы бытия представляются, как микрополе с двумя ядерными глаголами *быть, жить*, а ФСП глаголы состояния – ядерными глаголами *иметь, обладать, принадлежать*.

Анализ структурно-семантического потенциала предложений, в которых выступают предикатами глаголы бытия и обладания показал: глаголы обладают одинаковыми моделиобразующими свойствами (то есть выступают предикатами в предложениях однотиповой семантики и структуры). Переносные (вторичные) значения глаголов дают возможность построению предложений по образной семантической модели. Среди предложений с глаголами бытия и обладания встречаются предложения, построенные по совмещенным семантическим моделям. Все предложения с глаголами бытия, выражая идею существования, могут быть квалифицированы как бытийные предложения, а с глаголами обладания – принадлежности, и классифицированы как предложения обладания. Именно на уровне предложений чаще реализуется взаимосвязь семантической категории бытия и обладания с другими категориями (локативности, посессивности, качественности), поскольку такие предложения допускают взаимозаменяемость глаголов (собственно бытия – собственно обладания).

Список литературы

1. Гак, В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова / В. Г. Гак // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов – Ч. 1. – М.: МГПИ, 1971. – С. 80 – 81.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова – М.: Наука, 1976. – 383 с.
3. Воейкова, М. Д. Бытийные ситуации / М. Д. Воейкова // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 53 – 80.
4. Савинова, Е. К. Ономазиологическая категория локативности и ее отражение в производных наименованиях: дис. ... канд. филол. наук / Е. К. Савинова – М., 1989. – 211 с.
5. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский – М.: Наука, 1990. – 108 с.
6. Селиверстова, О. Н. Коммуникативная структура предложения и текст / О. Н. Селиверстова // Русский язык: Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. Виноградовские чтения XIV – XV. / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1987. – С. 78 – 91.
7. Арутюнова, Н. Д., Русское предложение. Бытийный тип / Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев – М.: Выш. шк., 1983. – 346 с.
8. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
9. Виноградова, Н. Г. Категория обладания и ее языковая онтология в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Виноградова. – Иркутск, 2001. – 143 с.
10. Николаева, Т. М. Об одном подходе к интерпретации поссесивных значений / Т. М. Николаева // Язык: как система и функционирование. – М.: Наука, 1988. – С. 181-190.
11. Рылов, Ю. А. Очерки сопоставительного изучения испанского и русского языков / Ю. А. Рылов, Г. А. Бессарабова – Воронеж: Издат. – полиграф. центр ВГУ, 1997. – 188 с.
12. Акимова, Т. Г., Козинцева, Н. А. Значение качественной характеристики в конструкциях с глагольными предикатами / Т. Г. Акимова, Н. А. Козинцева // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб.: Наука. 1996. – С. 79 – 93.

**SYSTEM OF FUNCTIONAL AND SEMANTIC FIELDS
OF THE RUSSIAN VERBS OF LIFE AND POSSESSION**

**O. V. Senyukova
J. A. Klimova**

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
oksana-senyukova@yandex.ru
julia_klimova07@mail.ru*

This article is a fragment of the research devoted to the functional and semantic characteristic of the Russian verbs of life and possession. The language means expressing categories of life and possession are most presented by the Russian verb. Verbs of life and possession represent a wide class of the lexemes calling various phases, and also processes and the conditions.

Keywords: functional and semantic field, category of life, category of possession.